

Макс Гофман ВОЙНА УПУЩЕННЫХ ВОЗМОЖНОСТЕЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Генерал Гофман является для нас наиболее памятной фигурой из всех немецких военачальников эпохи мировой войны, благодаря его участию в мирных переговорах в Брест-Литовске. Блестящая характеристика Гофмана и всех его соратников дана тов. Троцким в статье «Брестский этап», где он живописует их, как «представителей могущественного тогда милитаризма, насквозь проникнутого победоносным солдафонством, кастовой надменностью и величайшим презрением ко всему не истинно гогенцоллернско-пруско-немецкому». Несколько дальше, говоря о самом Гофмане, тов. Троцкий указывает, что «во все время конференции он не переставал громыхать и угрожать нам — представителям побежденной страны».

Действительно, Гофман во всех отношениях является идеальным образчиком прусского солдафона. Даже его наружность настолько ярко типична, что начинает уже переходить в карикатуру: круглое лицо с низким лбом,

неподражаемо надменный взгляд, презрительно вздернутая толстая губа, совершенно одеревенелая фигура с выпяченной грудью — все это производит впечатление не реального человека, а скорей карикатурного портрета прусского генерала из *Simplizissimus*'а.

В своей книге «Война упущенных возможностей» (*Der Krieg der versäumten Gelegenheiten*) Гофман рисуется впрочем не просто солдафоном, но вдобавок солдафоном, находящимся в оппозиции к своим собратьям. Задачей его является исследовать причину крушения германского империализма и найти лиц, виновных в этом. Свою задачу Гофман разрешает очень просто, «по-генеральски». Прежде всего для него совершенно ясно, что крушение Германии, сводится к определенному количеству проигранных сражений или же неправильно (с его точки зрения) выполненных операций. Главная часть его книги, не лишенная интереса для специалиста, и заключается в критике военных действий, в выявлении тех «возможностей», которые, будучи своевременно использованы, несомненно обеспечили бы Германии победу или почетный мир. При такой упрощенной постановке проблемы сразу же выясняются и виновники проигранной войны: это разумеется те генералы, которые руководили операциями: Мольтке, Фалькенгайн и,

наконец, Людендорф. С которым, кстати, отношения у Гофмана были испорчены, хотя Людендорф и характеризует его великодушно в своих «Воспоминаниях», как «чрезвычайно одаренного и прокладывающего себе дорогу офицера».

Правда, даже для других военных (Людендорфа, Тирпица) было ясно, что война, да еще такого масштаба как мировая, не определяется лишь сражениями, что огромное значение имеют чисто политические факторы, также как и экономические. Но бравый Гофман почти полностью игнорирует все эти «невесомые данные» и судит обо всем, отправляясь исключительно от армии. Эта точка зрения, конечно, не случайна, и она вовсе не объясняется одной лишь ограниченностью Гофмана. Дело в том, что за последние три года войны в Германии фактически установилась военная диктатура. «Сверхчеловек» немецких милитаристов — Людендорф сумел концентрировать в ставке все нити внутренней и внешней жизни страны. Достаточно указать, что акт о восстановлении Польши был провозглашен по инициативе Людендорфа, закон о всеобщей трудовой повинности был разработан в ставке и т. д., и т. д. Недаром Эрцбергер указывает в своих мемуарах, что вплоть до перемирия Людендорф «оставался почти неограниченным властителем

Германии и частью сам решал политические вопросы, частью существенно влиял на их решение». Отсюда становится вполне понятным, почему все мысли такого «идеального солдафона», как Гофман, исходили от армии и возвращались к ней. Политика, вернее дипломатия, являлась для него своего рода резонатором, чутко вибрирующим в ответ на все военные действия, удачные или неудачные сражения, планы ставки и пр.

В книге Гофмана, впрочем, для нас особенно интересна не эта полемически-военная сторона, а те материалы, которые имеют отношение к послеоктябрьской России.

Когда русский фронт рухнул, перед Германией, по его мнению, открылись две возможности: «или решиться на водворение порядка в России, заключить дружественный союз с новым русским правительством, после чего обратиться к западу»... или использовать освободившиеся на русском фронте военные контингента для решительной схватки на Западе.

Как известно, временно был избран второй путь, повлекший брест-литовские мирные переговоры, причем необычайно комичное впечатление производят самооправдания Гофмана в том, что, посоветовав заключить мир с Советским правительством, он «вовсе не хотел способствовать распространению большевизма...».

Наиболее яркие страницы его книги посвящены, как и надо было ожидать, брестским переговорам. Совершенно бессознательно Гофман раскрывает омерзительную картину тех мошеннических проделок, которые были задуманы, а частью и осуществлены правящими кругами Австрии и Германии на конференции. Достаточно указать на тот обман, который был допущен в вопросе о переброске германских войск с восточного фронта на западный, о котором с необычайной откровенностью повествует Гофман: как оказывается, еще до открытия переговоров в Бресте, главная масса германских войск была переброшена на запад. «Я поэтому мог с легким сердцем согласиться с русскими» цинично указывает Гофман. Ярко изображены трения на конференции между немецкой, австрийской и турецкой делегациями, аннексионистская подоплека немецкого требования о самоопределении Курляндии и Литвы и т. п. Наконец, особенно хорошо освещена предательская роль, сыгранная в Бресте украинской мирной делегацией, которую, по выражению Людендорфа, «Гофман взял под свое особое покровительство». Вообще роль, которую играл сам Гофман на конференции, можно охарактеризовать крылатой фразой Вильгельма II: «где является гвардия, там нет места демократии».

Специфический интерес представляет глава, посвященная пост-брестскому периоду отношений между Германией и Советской Россией.

Отметив те затруднения, которыми сопровождалась немецкая оккупация Украины и Прибалтики, Гофман сообщает план свержения Советского правительства, который он, как оказывается, предлагал осуществить уже в начале 1918 г. Проект его заключался в движении немецких войск на Смоленск-Москва-Петроград, реставрации монархического правления (царевич, а при нем регент — великий князь Павел Александрович, с которым немецкое командование находилось в постоянных сношениях) и заключении с «Новой Россией» союзного договора, на выгодных для нее условиях. Эти страницы книги Гофмана пополняются теми сведениями о предполагаемой ликвидации Советской власти, которые мы находим у Людендорфа. Последний, убедившись, что мир на Востоке в конце концов оказался весьма тяжелым «военным миром», начал развивать план «короткого удара» на Петроград, при одновременном наступлении донских казаков на Москву. Таким путем можно было бы устранить Советское правительство и установить новое, зависимое от Германии. Переходя от слов к делу, Людендорф торопится оказать помощь Краснову, Скоропадскому и др., довольно комично в то же

время, негодуя на «нарушение» Россией брестского договора. Характерно, что, стремясь консолидировать все антибольшевистские силы, Людендорф обращал свои благосклонные взоры и на Алексеева с его добровольческой армией. «Он действовал под английским влиянием — замечает с характерным цинизмом Людендорф, — но я думаю, что он был настолько предан России, что перешел бы на нашу сторону, если бы мы свергли Советское правительство».

История показала, что немецкие генералы просчитались в своих планах. В то время как они создавали свои проекты реставрации монархизма, революция уже стучала в двери Германии. Сверхчеловек милитаристов — Людендорф и его помощник — идеальный солдафон — Гофман принуждены были очистить оккупированные ими на Востоке территории, после чего быстро исчезла вся оставленная ими нечисть: державный гетман Скоропадский, генерал Краснов и др.

Свержение Советской власти осталось, таким образом, для немецких генералов одной из «упущенных возможностей».

В. Гурко-Кряжин.

ГЛАВА ПЕРВАЯ НЕСКОЛЬКО СЛОВ О РУССКО-ЯПОНСКОЙ ВОЙНЕ

Приказ о мобилизации застал меня в Мюльгаузене (Эльзас), где я уже год как командовал батальоном в баденском пехотном имени принца Вильгельма полку. По мобилизационному расписанию я еще два года тому назад должен был занять место «первого офицера генерального штаба»¹ при штабе армии, которой предстояло действовать на восточном фронте.

Восточная граница мне хорошо была знакома: в Восточной Пруссии и Познани я служил лейтенантом и ротным командиром, а равно бывал и по различным назначениям генерального штаба. Восточная Пруссия, где я прослужил семь лет, стала для меня второй родиной.

Русскую армию знал я теоретически и практически. По окончании военной академии и после экзамена по русскому языку я был командирован зимой 1898–1899 г.г. на шесть месяцев в Россию. Затем пять лет я состоял в

¹ Штаб-офицера для поручений. Прим. перев.

русском отделе главного генерального штаба. Кроме того, я проделал всю русско-японскую кампанию в качестве военного атташе при японской армии. Находясь при второй японской дивизии, я видел, как русские сражались на Мотиенлинском перевале у Ляояна, на р. Шахэ и под Мукденом.

Скажу здесь, забегая несколько вперед, что в японской войне русские, несомненно, очень многому научились.

Если бы они в походе против нас вели себя столь же нерешительно, столь же мало и слабо наступали, так же боязливо реагировали бы на всякую фланговую угрозу, оставляли бы неиспользованными столько же резервов, как тогда на полях Манчжурии, то война была бы для нас гораздо более легкой.

Во всяком сражении победа давалась в руки Куропаткину, русскому главнокомандующему в войне против Японии. Ему нужна была только твердая решимость, чтобы удержать эту победу. Однако силы воли на это у него никогда не хватало.

Простейшим примером его тактики является битва при Ляояне. Японский фронтальный натиск с юга на Ляоян был отбит. Тогда генерал Куроки принял отважное решение переправиться с главными силами своей 1-й армии через реку

Тайцзыхе, чтобы добиться развязки путем натиска на высоты восточнее Ляояна. Между Тайцзыхе и флангом гвардейской дивизии, сражавшейся на фронте 4-й японской армии, Куроки оставил всего 6 рот, — это на протяжении примерно одной немецкой мили², — разбросанных кучками по торным вершинам. Они должны были внушать русским представление о непрерывности фронта. Стоило только русским двинуться вперед на этом участке, — и судьба японской армии была бы решена. Гвардейская дивизия была бы взята в обхват, 4-я и 2-я японские армии отброшены на юго-запад, а Куроки оттеснен в горы. Я сам пробыл тогда двое суток на участке одной из упомянутых японских рот. Густые линии русских в окопах имели мы от себя на расстоянии 21/2 — 3 тысяч метров, но они не шевелились. Когда потом войска Куроки оказались на северном берегу Тайцзыхе и 15-я бригада перешла в наступление на высоту, называвшуюся у японцев Мануйяма, а, у русских Суквантун, то внимание и забота Куропаткина сосредоточились исключительно на этом пункте.

Главная масса его резервов была скучена против одного угрожаемого места и израсходована

² Немецкая миля — 7 верст. Прим. перев.

в напрасных контратаках против высоты, занятой 15-й бригадой.

На южный фронт, где можно было бы иметь легкий успех, более не обращали никакого внимания, и, после неудачной попытки отбить высоту Суквантун, был отдан без всякого на то основания — приказ об отступлении. Так было при Ляояне; нечто подобное же происходило на р. Шахэ и под Мукденом.

В войне с нами тактика у русских была уже иная. В походе против нас они более уже не повторяли ошибок японской войны. Одной из последних моих работ во время службы в русском отделе главного генерального штаба было воспроизведение плана развертывания русских сил против Германии согласно имевшимся в нашем распоряжении сведениям.

Наша разведывательная часть в мирное время работала не очень хорошо. Главная причина этого заключалась в том, что в ее распоряжении не находилось больших сумм, нужных для того, чтобы иметь за границей агентов и шпионов.

Насколько я теперь помню, только один раз, в 1902 г., удалось нам купить весь план русского развертывания сил у одного полковника русского генерального штаба. С этого времени, — мы знали, — русский мобилизационный план был

изменен, но как, — это долго для нас было неясным.

В 1910 году, если не ошибаюсь, начальнику разведки штаба 1-го армейского корпуса в Кенигсберге, капитану Николаи, удалось добыть приказ о пограничном охранении, полученный одной из частей русской 26-й дивизии в Ковно. Из приказа видно было, что русские из находящихся в их распоряжении войск в первую очередь развертывали против нас две армии: так называемую виленскую армию и варшавскую.

Обе армии должны были начать наступление на Восточную Пруссию — одна к северу, другая к югу от Мазурских озер. Внутренние фланги обеих армий должны были продвигаться в направлении на Гердауен, стремясь к соединению позади цепи Мазурских озер. О составе этих армий находившийся в наших руках приказ никаких сведений не давал. В них, очевидно, должны были войти войска варшавского и виленского военных округов; войска киевского и одесского округов и южной части варшавского округа следовало считать предназначенными для действий против Австро-Венгрии. Но мы ничего не знали о назначении войск из округов петербургского, финляндского, московского, казанского, кавказского и округов сибирских. Что касается последних, то генеральный штаб не предполагал, —

по крайней мере, когда я работал в русском отделе (осень 1911 г.), — что русские в состоянии будут все свои восточно-сибирские войска перебросить в Европу.

У нас тогда думали, что нашей дипломатии удастся удержать Японию от вступления в ряды наших врагов. Если бы нашему министерству иностранных дел удалось это выполнить, то русские были бы вынуждены по крайней мере часть своих восточно-сибирских войск оставить на Дальнем Востоке.

Сам я во всяком случае не мог подавить в себе некоторого беспокойства насчет наших отношений с Японией.

Я невольно вспоминал мнение, высказанное весной 1904 г., тогдашним японским военным министром Тераучи. Про него говорили, будто он к нам, немцам, не очень расположен. Как-то на одном обеде речь зашла именно об этом. Тераучи признал, что это так, но добавил, что он имел в виду не германских военных, а германскую политику, так как на Германии лежит доля ответственности за ту войну, которую ныне Япония должна вести против России.

«В 1894 г. мы взяли у китайцев Порт-Артур и владели им», сказал Тераучи. «Ультиматум Германии, России и Франции вынудил нас вернуть Порт-Артур китайцам; что Россия прибегла к

ультиматуму, — это было понятно: она сама стремилась в Порт-Артур и в незамерзающий порт Дальний: что Франция поддержала Россию, — это было естественно, ибо она была с нею в союзе. Но какое вам было до этого дело?».

Над этим вопросом я призадумался, когда узнал, что тогдашний наш посланник в Токио (насколько мне стало известно, — не в очень ловкой форме и без соответствующих инструкций из Берлина) позволил своим более умным коллегам из Парижа и Петербурга при передаче ультиматума выдвинуть на первый план себя.

Я вспоминал, как зимой 1905 г. я остановился с женой около чайного домика в Симоносеки — городке, в котором подписан был японо-китайский мир, — и как я с опасением сказал: «будем надеяться, что нам за эту глупость не придется когда-нибудь платить».

К сожалению, мои опасения сбылись; японский ультиматум, вызвавший у нас такую бурю негодования, явился буквальным переводом ультиматума 1894 года, только вместо слов «Порт-Артур» теперь поставлено было «Тзинг-Тау».

Выше я упомянул о генерале Тераучи. В первом походе, в котором ему молодым еще человеком пришлось принять участие, — это было во время гражданской войны 1868 года, — он был

ранен стрелой из лука. От этой раны он стал сухоруким.

Тераучи всегда представлялся мне символом быстрого развития японской армии. Армия эта в течение тридцати лет прошла расстояние, отделяющее вооружение луком и стрелами от вооружения современными пулеметами, и автоматическими ружьями, а тот, кто в юности своей сражался в ее рядах при помощи лука и стрел, — тот на старости лет стал военным министром при современной армии в современной же войне.

Что касается принципов обучения японской армии, то тут, когда начали изучать европейские образцы, боролись два направления: представители одного высказывались за французский метод, представители другого — за германский. Последние одержали верх в связи с деятельностью известного генерала Мекеля в качестве преподавателя в японской военной академии.

К началу войны все войско обучено было по германскому уставу. Все инструкции и приказы были без изменения переведены на японский язык. Равным образом были приняты меры к тому, чтобы поставить по германскому же методу обучение офицеров генерального штаба. Таким образом наши германские основы обучения и командования были испытаны на войне, и мы могли быть довольны

полученными результатами. Успех наших методов укрепил в японцах веру в наше военное искусство.

По окончании войны я пришел проститься к генералу Фуджи, начальнику штаба 1-й японской армии. Я сказал ему, что с нетерпением ожидаю узнать, какие изменения внесены будут в японский устав на основании опыта войны. Он ответил мне: «Я тоже. Мы посмотрим, какие новые инструкции изданы будут в Германии на основании донесений прикомандированных к нашей армии офицеров. Тогда мы эти инструкции переведем, как это делали и раньше».

Я не хотел бы закончить главу моих воспоминаний о Японии, не упомянув о некоторых иностранных военных атташе, с которыми меня свел случай в 1-й армии Куроки. Им суждено было сыграть исключительную роль в мировой войне. Кроме известного английского генерала сэра Джона Гамильтона и майора Кавиглиа, впоследствии итальянского военного министра, к их числу принадлежали трое американцев: полковник Краудер и штаб-офицеры Пейтон-Марч и Першинг. В мировой войне получили известность: полковник Краудер, как организатор, Пейтон-Марч как начальник генерального штаба, и Першинг, как главнокомандующий новой американской армии.

Я был в большой дружбе с капитаном Марч, дававшим мне уроки английского языка. Он мне

особенно нравился широтой своего военного кругозора, свойственной образованному уму, и своим открытым прямым характером.

Как я уже упомянул выше, русские многому научились во время японской войны. Характерно для русской действительности, что эти успехи скорее следует приписать личной инициативе отдельных лиц, чем распорядительности центральных властей.

Генерал Ренненкампф, не очень отличившийся, как военачальник во время японской войны, составил на основании опыта этой войны проект нового устава для пехоты. Он ввел его сначала в своем 3-м корпусе, а позже, уже будучи командующим виленским военным округом, и в войсках этого округа. Этот проект был затем, в качестве временного, введен во всей русской армии, но до выработки постоянного устава дело так и не дошло.

На вопрос о том, какое назначение даст русское командование главной массе своих войск, с наш ей военной точки зрения следовало бы ответить, что самым естественным и правильным было бы направление их против нас, против Германии. Мы были сильнейшим противником; если бы удалось нас победить, то война против Австрии была бы детской игрой. Поэтому я думаю, что если бы германский генеральный штаб

распоряжался русскими войсками, то против Австрии были бы назначены действовать оборонительно войска киевского и одесского военных округов, все же остальные силы были бы направлены против Германии.

Если бы русское командование стало на эту правильную точку зрения, то прошло бы во всяком случае много недель до окончания развертывания русских сил на германской границе, до сосредоточения всех частей, включая и сибирские.

Подобно тому, как неизвестно было нам назначение главных русских сил, так же неведома была нам и организация тех миллионов солдат старших призывов, находившихся в распоряжении русского командования.

До японской войны Россия, в противоположность германской и французской практике, стояла на той точке зрения, что уже в мирное время ей нужны некоторые кадровые части на случай мобилизации резервных войск. При недостаточном умственном развитии русского солдата, при недостатке в офицерах и в унтер-офицерах запаса такая точка зрения была, конечно, правильной. Для этой цели имелся ряд резервных бригад. При мобилизации путем удвоения их развертывали в «первоочередные резервные дивизии», а путем учетверения во «второочередные резервные дивизии».

В японскую войну образованные таким путем резервные дивизии оказались, по-видимому, неудовлетворительными. Напомню неудачу резервной дивизии Орлова у Янтайских угольных копей. Среди густого гаоляна, стебли которого, вышиной в два-три метра, исключали всякую возможность осмотреться, эта дивизия неожиданно натолкнулась на бригаду 12-й японской дивизии. Японцы ударили в штыки и отбросили почти без сопротивления дивизию Орлова. Поэтому после войны резервные бригады были распущены, и было введено формирование резервных дивизий по французскому образцу и под французским руководством.

Нам неизвестно было, сколько будет выставлено таких дивизий, сколько времени уйдет на их развертывание, будут ли они сведены в резервные корпуса и т. д.

ГЛАВА ВТОРАЯ ОТОЗВАНИЕ ГЕН. ФОН ПРИТВИЦ-ГАФРОНА

К вечеру первого дня мобилизации я прибыл в Познань- центральный пункт мобилизации 8-й армии ³ . Во главе этой армии стоял генерал-полковник фон Притвиц-Гафрон.

Корпус генерала Войрша имел особое назначение: он должен был участвовать в наступлении австрийцев, находясь на их крайнем левом фланге. Для выполнения возложенной на

³ Армия была в составе: 1-го арм. корпуса (ген. ф. Франсуа), 17-го арм. корпуса (ген. ф. Макензен), 20-го арм. корпуса (ген. ф. Шольц), 1-го рез. корп. (ген. Отто ф. Белов), 3-й рез. дивизии (ген. ф. Морген), 1-й кавал. дивизии (ген. Брехт), 2-й ландв. бригады, 6-й ландв. бригады, 70-й ландв. бригады. Кроме того, армии были подчинены корпусные округа следующих армейских корпусов: 1, 2, 5, 6, 17 и 20, а также восточные крепости и, наконец, корпус генерала Войрша, составленный из Познанского и Силезского ландвера.

20-й и 1-й арм. корпуса выставлены были на границе. Прочие части разворачивались на следующих участках: 17-й арм. корп. в районе Дейч-Эйлау, 1-й рез. корп. в районе Нейденбурга, 3-я рез. дивизия в районе Гогензальца, 1-я кав. дивизия в районе Гумбинена, 2-я ландв. бригада в районе Тильзита, 7-я ландв. бригада в районе Гослерсгаузена.

него задачи этот корпус был снабжен далеко недостаточно. Он нуждался, прежде всего, в тяжелой артиллерии и в санитарных учреждениях, — последнее обстоятельство можно было назвать прямо-таки преступным упущением.

Командование 8-й армией могло оказывать па действия корпуса весьма слабое влияние. Телефонная связь поставлена была слабо и во время наступления корпуса она, за отсутствием материала, совсем оборвалась.

Мне удалось лишь два раза в начале военных действий установить телефонную связь с корпусом, при чем меня тут ожидала очень приятная неожиданность. На мой телефонный вызов мне ответил мой лучший друг подполковник Кундт, один из наших одареннейших и умнейших офицеров генерального штаба. Я думал, что он находится в Южной Америке, так как он перед войной получил, как и некоторые другие офицеры, отпуск в Боливию. Но перед самым началом военных действий он получил отпуск на родину и успел счастливо добраться в Германию. Таким образом я узнал, что один из способнейших наших офицеров находится в рядах моих соратников.

Нашей армии поручено было защищать Восточную и Западную Пруссию от нападения русских. При этом она должна была стараться, в случае нападения превосходных сил, не дать себя

окончательно разбить и равным образом не дать себя оттеснить в крепость Кенигсберг. На случай такого нападения в операционном плане имелось указание очистить Пруссию к востоку от Вислы и отвести армию за реку.

Такое указание операционного плана безусловно содержало в себе большую психологическую опасность для людей со слабыми нервами, но в остальном ни оно само, ни численность предназначенных для Вост. Пруссии сил не являлось для нас неожиданностью и в общем совпадало с нашими предположениями.

Как это теперь всем известно, военный план графа Шлиффена, прежнего начальника генерального штаба, предусматривал, в случае войны на два фронта, наступление главных германских сил на западной границе сильным правым флангом с внезапным походом через Бельгию, чтобы охватить северное крыло французских войск и опрокинуть его. Таким образом предполагалось быстро добиться развязки на Западе. Восточный фронт тем временем должен был обходиться своими собственными силами и на помощь с другого фронта мог рассчитывать лишь с момента наступления развязки на Западе. С этой идеей мы, штабные офицеры шлиффенской школы, вполне освоились. Мы много раз имели с ней дело в

больших военных играх и полевых поездках генерального штаба.

Командующий армией генерал фон Притвиц в мирное время мне был известен как умный, порой немного резкий начальник. Я также хорошо знал начальника штаба, генерал-майора графа фон Вальдерзее. Он имел репутацию высоко образованного и дельного штабного офицера. При объявлении мобилизации он был обер-квартирмейстером, т. е. принадлежал к числу наилучших офицеров генерального штаба в должности начштаба корпуса. К сожалению, он не мог проявить всей полноты своих знаний, так как он перенес незадолго перед войной тяжелую операцию, от последствий которой его потрясенная нервная система еще не оправилась.

Первый обмен мнений между мной и начальником штаба о предстоящей нашей армии задаче коснулся следующих вопросов: нас не беспокоила многократно уже обсуждавшаяся возможность кавалерийских атак большими массами неприятеля. С ними управились бы войска, охранявшие границу. Нам даже желательно было, чтобы русские в действительности предприняли такого рода атаку и при этом сразу потерпели бы неудачу. Прежде же всего наша армия должна была считаться с возможностью наступления известных нам уже армий, варшавской и виленской. Можно

было предвидеть, что они составятся из войск виленского и варшавского военных округов (за исключением 14-го арм. корпуса, расположенного на Австро-Венгерской границе).

Мы допускали, что выступление обеих армий последует между 15–20 августа; их мобилизация могла закончиться к 15-му числу и их развертывание должно бы занять немного времени, так как они стояли гарнизонами неподалеку от границы, но вряд ли можно было допустить, чтобы силы эти подкреплены были частями из Петербургского и Московского округов. Надо было полагать, что в районе Гродно — согласно русским военным обычаям — развернуты будут войска в качестве резерва и для связи обеих армий. Резервные части к этому времени, вероятно, не успеют на место назначения, так как для формирования их потребуется более значительное время.

При вступлении на германскую территорию наступление русских войск разрывалось преградой Мазурских озер. Русские могли наступать только одной армией севернее, другой — южнее сети озер. Следовательно наша армия должна была подготовиться к тому, чтобы атаковать и разбить какую-либо из русских армий в момент разобщения их Мазурскими озерами. Пока нельзя еще было предвидеть, которая из них предоставит нам для

этого наилучшую возможность. Однако можно было предполагать, что виленская армия скорее выступит на арену, чем варшавская, которой приходилось пробиваться к нашей границе через довольно-таки бездорожную, болотистую и лесистую местность.

Последовавшие события подтвердили в общем правильность наших предположений. В ближайшие дни русскими предприняты были мелкие кавалерийские атаки, которые с легкостью были отбиты. На востоке виленская армия сильными отрядами продвигалась к нашей границе, в то время как на южной границе Вост. и Зап. Пруссии было пока сравнительно спокойно.

Рекогносцировка против варшавской армии была чрезвычайно затруднительна. Шпионы, из польских евреев, доставившие в первые — дни кое-какие сведения, становились бесполезны по мере более тесного занятия русскими границы. В распоряжении армии находился лишь один отряд летчиков, который вынужден был ограничиться единственно тем, чтобы дважды в день производить воздушную разведку путей, ведущих к границе. Но даже и при этих условиях не последовало бы неожиданного для нас появления варшавской армии, если бы русские не были настолько осторожны, совершая свои переходы ночью, а днем

отдыхая в закрытых местах ⁴. Мобилизация и развертывание нашей армии завершились полностью по предустановленному плану. 8 августа командующий прибыл со штабом в Мариенбург и в тот же день вступил в командование армией.

Еще до прибытия в Мариенбург между штабом армии и командиром 1-го армейского корпуса, генералом фон Франсуа, начался конфликт. Генерал Франсуа чувствовал себя в качестве командира восточно-прусского корпуса, как бы особенно призванным защищать Восточную Пруссию. Он стремился, — по мотивам с его точки зрения понятным, — к тому, чтобы ни один русский не вступил на восточно-прусскую землю, и чтобы ни одна вост. — прусская деревня не испытала на себе ужасов войны. Он был того мнения, что следует придерживаться наступательной тактики при обороне границы от наступления неприятеля, и хотел путем отдельных коротких ударов держать русские пограничные части вдали от границы. При этом генерал Франсуа упустил из виду, что таким путем 1-й арм. корпус уходит из рамок армии. Если бы даже командующий армией согласился с его планом, то и

⁴ Это неверно. Армия генерала Самсонова шла почти без дневок. Прим. перев.

тогда могло случиться, что армия вынуждена была бы поддерживать 1-й арм. корпус на границе и даже к востоку от нее; тем самым армия была бы раздроблена и была бы вынуждена принять сражение впереди Мазурских озер, утратив, таким образом, выгоды от их географического положения. Кроме того, генерал Франсуа допустил ошибку, не сообщив о своих намерениях командованию армии. В результате штаб армии полагал, что ядро 1-го арм. корпуса стоит на р. Ангерац, тогда как в действительности оно продвинулось вперед на восток.

Из поступивших до 14 августа о неприятеле сведений вытекало, что противник с большими силами наступает южнее и севернее Роминтенского леса и что особенно оживленную деятельность он проявляет, южнее этого леса. Отсюда командование армией заключило, что виленская армия, как это всегда предполагалось, выступила раньше варшавской. К тому же сведения летчиков попрежнему подтверждали, что на путях с юга никакого движения не замечается. Командованием принято было решение расположить главные силы армии для атаки против виленской армии⁵.

⁵ 20-й арм. корпус сосредоточен был большей частью у Ортельсбурга для охраны границы с юга; справа к нему примыкали: части Данцигского гарнизона для пограничной

Ввиду предстоящей битвы штаб армии был переведен вечером того дня из Мариенбурга в Бартенштейн.

17 августа генерал-майор граф Вальдерзее к великому своему удивлению получил донесение от начальника штаба 1-го арм. корпуса о том, что генерал Франсуа не выполнил данного ему приказа, перешел с большей частью своих сил в наступление и под Сталюпененом вступил в бой. Командование армией распорядилось по телефону и телеграфу прекратить бой. Генерал-квартирмейстер Грюнерт послан был на автомобиле к генералу Франсуа, чтобы лично передать последнему этот приказ.

По поводу самовольных действий генерала Франсуа невольно напрашивается сравнение с событиями, имевшими место в союзной австро-венгерской армии в битве под Львовом. Там

охраны у Нейденбурга, Грауденцкого — у Лаутенбурга, Торнского — у Страсбурга, равно как и 70-я ландверная бригада в районе Млава — Сольдау. Озерную линию Николайкен-Летцен занимали: 3-я рез. дивизия с 6-й ландв. бригадой, 1-й рез. корпус по реке Ангерап, правым крылом к озеру Мауэр, 17-й арм. корпус по жел. дор. подвезен был к Даркмену; 1-му арм. корпусу приказано было остаться около Гумбинен — Инстербург. Главный резерв крепости Кенигсберг был подтянут к Инстербургу. 1-я кав. дивизия держалась впереди левого крыла, 2-я ландв. бригада на фронте Тильзит — Мемель.

генерал Брудерман также имел приказ приготовиться со своими войсками и выжидать, но в нападение перейти лишь тогда, когда получено будет распоряжение верховного командования. Вопреки ясно выраженному приказанию генерал Брудерман самовольно перешел в наступление и тем самым значительно поспособствовал потере Львовского сражения. Не могу судить о том, можно ли было путем энергичного вмешательства верховного командования удержать Брудермана. В случае с генералом Франсуа все-таки удалось вовремя вывести корпус из сферы огня.

Прекращенный, таким образом, бой при Сталюпенене являлся сам по себе полным успехом, одержанным 1-м арм. корпусом. Превосходные силы русских были отброшены, несколько тысяч было взято в плен. Тем не менее, в связи с общей обстановкой, это было ошибкой. 1-й арм. корпус, хотя и победоносный, понес все-таки потери в людях и снаряжении и, что всего важнее, растратил физические силы, которые следовало бы поберечь для главной битвы. Кроме того, совсем не в наших интересах было препятствовать продвижению вперед виленской армии. Напротив, чем скорее она подвигалась, тем легче нам удалось бы ее разбить, прежде чем подоспеет с юга варшавская армия.

Тем временем продолжалось планомерное развертывание армии на линии р. Ангерап.

Рано утром 19 августа сам командующий отправился в Даркемен для совещания с генералом Макензеном и затем отбыл со штабом в Норденбург.

В полдень 19 августа у командования создалось впечатление, что русские войска, наступавшие к северу от Роминтенского леса, достаточно приблизились, и был дан приказ перейти в наступление⁶.

Согласно приказу, 8-я армия рано утром 20 августа вступила в бой. К концу дня вырисовалась такая картина наше правое крыло, под начальством генерала Отто фон-Белова, разбило противника; также и левое крыло генерала Франсуа победоносно подвигалось вперед. Зато центр, возглавляемый генералом Макензеном, сначала потеснив русские части, наткнулся потом на хорошо оборудованную русскую полевую позицию. Войска Макензена, не выждав надлежащей артиллерийской подготовки, ринулись в бой, но, потерпев тяжелые потери, не могли продвинуться вперед. В три часа пополудни

⁶ Наступление вели: 1-й резервный корпус, 17-й арм. корпус, 1-й арм. корпус, глав. резерв крепости Кенигсберг, 1-я кав. дивизия; 1-й арм. корпус должен был охватить неприятельское северное крыло, в то время как 3-я рез. дивизия с 6-й ландв. бригадой стояли наготове в Летцене для атаки во фланг левого неприятельского крыла.

штаб корпуса сообщил, что корпус разбит и что положение серьезно. 3-я рез. дивизия (ген. фон Морген) была двинута из Летцена командующим армией лишь в полдень 20 августа, так как обстановка южнее Роминтенского леса была еще не выяснена. Таким образом с результатом вступления в дело этой дивизии можно было считаться не ранее утра 21 августа. Несмотря на неудачу корпуса Макензена, битва развивалась для 8-й армии благоприятно. Продолжая наступление, можно было надеяться достичь решительного успеха путем охвата обоих неприятельских флангов.

Около 7 1/2 часов вечера я стоял с генерал-майором Грюнертом на пороге нашего рабочего кабинета в Норденбурге. Мы только что обсудили с ним благоприятные виды на продолжение битвы на следующий день, как поступило донесение от генерала Шольца о том, что варшавская армия силой от четырех до пяти арм. корпусов перешла передовыми отрядами германскую границу на фронте Сольдау — Ортельсбург.

Обращаясь к генералу Грюнерту, я сказал: «Боюсь, что нервы командующего и начальника штаба не выдержат при таком известии. Я бы охотно скрыл его. Мы бы тогда завтра закончили битву и лишь потом обратились бы против варшавской армии». Генерал Грюнерт ответил:

«Неужели вы решились бы скрыть от начальника штаба столь важное известие?».

Конечно, Грюнерт понимал, что я это говорил не серьезно. В это время командующий армией вышел с начальником штаба из своих комнат, бывших рядом с нашим помещением; сразу же по выражению лиц их обоих я понял, что известие было получено также и ими. Генерал Притвиц пригласил нас к себе. «Господа, — сказал он, — вы ознакомились, как я вижу, с донесением и понимаете, что, если мы продолжим сражение, варшавская армия пройдет нам в тыл и отрезет от Вислы. Поэтому наша армия прекратит сражение и отойдет назад за Вислу».

Генерал Грюнерт пытался доложить наше общее мнение о создавшемся положении: «битва при Гумбиннене развивается благоприятно; в 2–3 дня мы могли бы покончить с виленской армией и тогда найти еще время обратиться против варшавской; пока же генерал Шольц должен держаться со своим корпусом один».

Генерал фор Притвиц коротко оборвал доклад генерала Грюнерта и заявил, что решение отойти за Вислу им принято окончательно; что за тактические командные решения отвечает только он сам с начальником штаба, а не обер-квартирмейстер и не старший офицер для поручений. Со своей стороны граф Вальдерзее тут же приказал мне изготовить

надлежащие распоряжения по отходу армии за Вислу. Я ответил, что непосредственный отход я не считаю возможным и что поэтому прошу мне указать, как мыслит себе командующий такой отход.

Последовал обмен мнениями по вопросу о способе выполнения отхода. Я и генерал Грюнерт с циркулем в руках доказывали, что просто отход за Вислу фактически невозможен, что придется отойти с боем, так как левый русский фланг оказывается ближе к Висле, чем мы; что, следовательно, необходимо остановить наступление варшавской армии и что всего лучше это сделать атакой против левого крыла этой армии.

Генерал фон Притвиц, потерявший, как и граф Вальдерзее, на мгновение самообладание, согласился с необходимостью предложенной нами меры. Он, правда, остался при своем мнении насчет того, что битву с Ренненкампом следует прекратить, но отказался от отхода за Вислу и согласился с нашим мнением о том, что нужно ударить по левому крылу варшавской армии. На основании этого видоизмененного решения даны были вечером 20 августа предварительные распоряжения, наметившие основные линии битвы при Танненберге. Таким образом предварительный план был уже создан тогда.

Приказано было: 20-й арм. корпус перевести направо и сосредоточить у Гогенштейна; 1-й арм. корпус и 3-ю рез. дивизию — по жел. дороге (первый из Инстербурга, вторую из Ангербурга) на правом фланге 20-го арм. корпуса; таким образом главный резерв крепости Кенигсберг прикрывает посадку 1-го арм. корпуса и потом отходит на укрепленную линию Прегель-Дейме; 1-й рез. корпус и 17-й арм. корпус отходят фронтом прямо на запад.

По прибытии 1-го арм. корпуса и 3-й рез. дивизии на правый фланг 20-го арм. корпуса наступление варшавской армии должно было быть парализовано ударом трех этих частей на левое ее крыло и во фланг. Если бы сверх того 1-й рез. и 17-й армейский корпуса удалось вывести из зоны соприкосновения с противником, при чем последний не стал бы наступать горячо вслед, то, по плану командующего, вся 8-я армия могла бы быть сосредоточена в районе Остероде, чтобы принять бой с обеими русскими армиями к востоку от Вислы. Как и когда это произойдет, — путем ли наступательных действий против варшавской армии и оборонительных против Ренненкампфа, или вообще путем обороны против обеих, сейчас нельзя еще было предвидеть, потому что, прежде всего, это зависело от образа действий Ренненкампфа.

Я несколько задержался на этих подробностях, потому что считал себя обязанным, по отношению в памяти скончавшегося генерала Притвица, подчеркнуть, что основные предварительные распоряжения для битвы при Танненберге были даны им, тогда как общественное мнение знает лишь о его желании отвести 8-ю армию за Вислу; равным образом он же намечал тогда возможность перемещения 1-го рез. и 17-го арм. корпусов.

Для всякого даже не сведущего в военном деле человека должно быть ясно, что нельзя было в тот момент еще рассчитывать на использование обоих корпусов на южном фронте. Никто же не мог предположить, что Ренненкампф, получив рано утром сообщение об отходе германских войск, останется спокойно и пассивно на месте. Напротив, следовало предположить, что он со всеми силами энергично бросится преследовать нас. Верховному командованию из телефонного разговора ген. Мольтке с ген. Притвицем стало известно лишь первое предположение об отходе за Вислу, но не изменение этого предположения. Верховное командование не одобрило этих действий и отозвало ген. Притвица и Вальдерзее. На их место вступили: генерал-от-инфантерии фон Бенкендорф-Гинденбург и генерал-майор Людендорф.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

БИТВА ПРИ ТАННЕНБЕРГЕ

Было бы праздным делом разбираться в вопросе о том, удалось ли бы одержать победу под Танненбергом и без смены командования. Я думаю, что удалось бы, хотя и не с таким решительным успехом, так как прежнее командование не имело, что доказывается предыдущим опытом, необходимой для этого энергии. Трения с генералом Франсуа продолжались, и я не знаю, удалось ли бы прежнему командованию ликвидировать их так же скоро, как это удалось генералу Людендорфу, и было ли бы оно в силах в течение ближайших дней со спокойной твердостью отнестись к вопросу: «будет Ренненкампф наступать или нет?».

Отозвание произведено было в необычайно резкой форме. Корпусные и дивизионные командиры узнали о переменах в командовании раньше, чем оно само. Приказы верховного командования передавались непосредственно командирам, помимо штаба армии. Например, 1-му рез. и 17-му армейскому корпусам была разрешена дневка (относительно полезности этого мероприятия позволительно было весьма сомневаться). Утром 21 августа штаб армии

перешел в Бартенштейн, а 22 в Мюльгаузен (Вост. Пруссия). Из поступивших донесений видно было, что войскам неожиданно успешно удалось оторваться от виленской армии.

Полковник Хелль, начальник штаба 20-го арм. корпуса, сообщил, что соединение частей корпуса, совершилось беспрепятственно в районе Гогенштейна, и получил приказ развернуть корпус на линии Гильгенбург-Лана. Левый фланг корпуса беспокоил полк. Хелля, так как на подвоз частей по жел. дороге и сосредоточение стоящих в пограничном охранении войск потребовалось бы несколько дней. Поэтому он попросил направить 3-ю рез. дивизию не на правый фланг 20-го корпуса, как это было предусмотрено штабом, а на левый, к Гогенштейну. Просьба эта командованием была удовлетворена.

Лишь 22 августа, во второй половине дня, штаб квартирмейстера армии узнал о перемене в командовании из телеграммы, полученной начальником военных сообщений, с извещением о времени прибытия нового командующего и нового начальника штаба; несколько часов спустя получен был и высочайший приказ, которым генералы Притвиц и Вальдерзее отчислялись в резерв чинов генерального штаба. С большим достоинством перенес генерал Притвиц постигший его удар

судьбы и простился с нами, ни единым словом не жалуясь на свой удел.

22 августа вечером получена была телеграмма Людендорфа, сообщавшего, что он прибывает с новым командующим 23 в Мариенбург и что там он надеется встретить штаб армии. Отправляя это приказание, генерал Людендорф предполагал, что штаб-квартира уже находится к западу от Вислы, и решил перевести ее вперед, в Мариенбург; в действительности же он отводил нас назад, так как предположенный Притвицем отход не был приведен в исполнение. Гинденбург и Людендорф прибыли 23 августа после полудня. Гинденбург, ставший позже кумиром германского народа, до тех пор за пределами прежнего своего корпуса был сравнительно мало известен. Сам я еще ни разу его не видал. Зато Людендорф был личностью известной и часто упоминаемой среди офицеров генерального штаба. В особенности привлекали внимание заботы Людендорфа об увеличении численности состава армии (лишь частью осуществившиеся в большой военной программе). Известно было и то, как он побуждал военное министерство накоплять на случай мобилизации возможно большие запасы снаряжения.

Неоспоримо, что ему одному принадлежит заслуга первого военного успеха, взятия Льежа., — что было темой ежедневных разговоров в армии.

Когда началась война, генерал Людендорф был обер-квартирмейстером 2-й армии генерала Бюлова и присоединился к одной из колонн, назначенных для штурма Льежа, именно к 14-й пехотной бригаде. Командир этой бригады, генерал фок Вуссов, пал, и Людендорф принял командование; лишь благодаря его энергии и решимости и удалось взять крепость, так как прочие колонны, так или иначе, потерпели неудачу.

Лично я хорошо знал Людендорфа. Мы одновременно были в штабе Познанского корпусного округа и с 1909 г. по 1913 г. жили в Берлине в одном доме и на одном и том же этаже.

Генерал Людендорф предложил мне сделать доклад о положении и одобрил принятые до сих пор штабом меры. Сведения о продвижении русских подтверждали, что по меньшей мере пять армейских корпусов и около трех кавалерийских дивизий наступали на фронте Сольдау-Ортельсбург. Между нашими отходящими частями и армией Ренненкампа образовался промежуток в 50 километров, при чем Ренненкампа, по крайней мере пока, не пытался преследовать нас.

К концу дня 23 и утром 24 августа значительные части варшавской армии атаковали левофланговую 37-ю дивизию корпуса генерала

Шольца. После ожесточенного боя они были отброшены с большими потерями.

В конце боя последовал один маленький и сам по себе незначительный эпизод, имевший, однако, громадное влияние на дальнейшее течение битвы при Танненберге. Выяснилось, что позиция победоносной 37-й дивизии была выбрана неудачно, и что лучшая позиция находится позади. 24-го утром в Танненберг для совещания с генералом Шольцем прибыл штаб армии, и генерал просил разрешить ему отвести 37-ю дивизию, после отражения атаки, на более выгодную позицию. Командование дало на это свое согласие.

Добровольный отход 37-й дивизии оказался в результате счастливым шагом: он вызвал у русских уверенность в общем отступлении германских войск.

Генерал Самсонов дал своей армии приказ о преследовании. Русская радиостанция передала приказ в нешифрованном виде, и мы перехватили его. Это был первый из ряда бесчисленных других приказов, передававшихся у русских в первое время с невероятным легкомыслием, сначала без шифра, потом шифрованно. Такое легкомыслие очень облегчало нам ведение войны на востоке; иногда лишь благодаря ему и вообще возможно было вести операции. Шифрованные приказы не составляли для нас затруднений. В штабе у нас были двое,

оказавшиеся гениями в области дешифрирования: всякий раз быстро удавалось найти ключ к новому русскому шифру.

Из приказа Самсонова было видно, что при наступлении русской армии 1-й арм. корпус, продвигавшийся на ее левом крыле через Сольдау, должен был выстроиться уступами глубоко влево для прикрытия со стороны Торна. Соответственно этому правофланговому 6-му арм. корпусу, продвигавшемуся через линию Ортельсбург-Менсгут, было поручено устроить прикрытие со стороны Летцена.

Тем временем армия генерала Ренненкампа продолжала оставаться в своей непостижимой неподвижности. Его кавалерия медленно двигалась вперед, пехота чуть шевелилась. Поэтому наше командование повернуло 1-й рез. и 17-й арм. корпуса на юг, чтобы использовать их для развязки против Самсонова.

Решительный натиск назначен был штабом на 26 августа. По этому поводу возникли опять некоторые трения с генералом Франсуа. Генерал хотел выждать еще один день ввиду неприбытия части его колонн и потому, что ему хотелось вести атаку с охватом, другими словами, в направлении на Млаву. Штабу армии казалось, что времени для этого нет. Каждый день Ренненкампа мог притти в движение; к тому же охват нами левого крыла

армии Самсонова у Млавы привел бы к разрыву и так уже тонкой линии 8-й армии.

Поэтому был отдан приказ прорвать неприятельскую линию при Уздау, — приказ, оказавшийся, как я думаю, решающим моментом в сражении при Танненберге.

26 августа 1-му арм. корпусу вместе с подчиненным ему отрядом Мюльмана (гарнизоны из привислинских крепостей числом около бригады) удалось занять лишь высоты около Зебена.

Правое крыло 20-го арм. корпуса, именно 41-я пех. дивизия, отбросило в тот же день противника под Мюлленом. На левом нашем крыле 1-й рез. корпус и 6-я ландв. бригада встретились к югу от Лаутерна с русским 6-м арм. корпусом, наступавшим через Ортельсбург на север, и опрокинули его.

27 августа 1-й арм. корпус вместе с отрядом Шметтова (из 20-го арм. корпуса) взял штурмом Уздау и отбросил русский 1-й арм. корпус к югу за Сольдау. 20-й арм. корпус вынужден был отбиваться от сильных русских атак.

1-й рез. и 17-й арм. корпуса преследовали через Ортельсбург на юг отходившего противника.

Русский 13-й арм. корпус беспрепятственно достиг в этот день Алленштейна. Тут мне хотелось бы упомянуть об одном маленьком эпизоде,

показывающем, каким испытаниям подвергаются нервы у командиров даже в течение счастливо развивающихся военных действий.

Штаб армии до конца дня находился на одной небольшой высоте к югу от Гильгенбурга; оттуда он наблюдал за последовавшим в 11 ч. утра штурмом Уздау и затем возвратился в главную квартиру в Лебау. Поступавшие со всех сторон сведения были благоприятны; 1-й арм. корпус успешно продвигался вперед.

К нашему изумлению, в Лебау мы встретились с парками и обозами 1-го арм. корпуса, собиравшимися отходить назад и уже повернувшими на север. На мой изумленный вопрос начальник, некий ротмистр Шнейдер, объяснил мне, что получен приказ готовиться к отступлению на север. Когда я вернулся в свою рабочую комнату, меня вызвали к телефону. Оказалось, что говорит со станции «Монтово» командир муниционных колонн и обоза 1-го арм. корпуса; он сообщил: «сейчас в Монтово прибыл 2-й батальон 4-го гренадерского полка в совершенно расстроенном виде. Командир батальона утверждает, что 1-й арм. корпус совершенно разбит, и что 20-й арм. корпус также отступает. Сам он со своим батальоном лишь быстрым отходом спасся от общей катастрофы. Поэтому обозам и паркам отдан был приказ на

всякий случай приготовиться к отходу в направлении на север».

Я не сомневался в том, что это был один из частых случаев паники, но тем не менее возможно было, что после нашего отъезда с поля битвы 1-го арм. корпуса там последовала перемена к худшему.

Сначала я вызвал к телефону самого командира батальона и хорошенько распек его. Я приказал ему повернуть со своим батальоном назад и подвигаться так, пока он не встретит врага. Затем капитан Кеммерер, второй адъютант штаба армии, получивший впоследствии известность в качестве личного адъютанта фельдмаршала Гинденбурга, был послан на автомобиле с наказом: ехать, пока он не наткнется на русские или германские войска, на передовые линии.

Несмотря на это, ближайшие часы в ожидании возвращения Кеммерера с докладом были очень тягостны. Оказалось, что командир батальона, выдвинутого вперед для связи 1-го арм. корпуса с наступающим справа от последнего отрядом Мюльмана, получил некоторые частью неверные, частью преувеличенные сведения; ему показалось, что во фланг ему наступают большие русские силы, и это его взволновало.

28 августа 1-й арм. корпус вместе с 1-й дивизией и отрядом Мюльмана окончательно отбросил противника за Сольдау, в то время как 2-я

дивизия с отрядом Шметтова уже наступала на Нейендорф для окружения русских. В середине битвы штаб армии отдал приказ к охватывающей атаке на Гогенштейн⁷.

Некоторое затруднение возникло из-за того, что атака 41-й пех. дивизии на Ваплиц была отбита русским 23-м корпусом. Однако продвижение 2-й пех. дивизии на Нейденбург быстро облегчило положение.

3-я рез. дивизия (генерал Морген), поддержанная дивизией фон-дер-Гольца, штурмом взяла Гогенштейн. Русский 15-й арм. корпус по радиотелеграфу обратился за помощью к 13-му арм. корпусу; последний немедленно двинулся по шоссе Алленштейн-Гризлинен. В результате его вмешательства ландв. дивизия фон-дер-Гольца временно попала в затруднительное положение, но зато 1-й рез. корпус смог ударить в тыл русского 13-го корпуса.

17-й арм. корпус загородил лесную и озерную местность с востока; генерал Франсуа, правильно оценив положение, продвинул свою 1-ю див. до

⁷ 20-й арм. корпус и 1-я рез. дивизия — с запада; ландв. дивизия фон-дер-Гольца, подвезенная из Шлезвига и высаженная в Бисселен, — с севера; 1-й рез. корпус — с востока.

Нейденбурга, а отряд Шметтова прошел до Вилленберга и завершил окружение с юга.

Участь армии генерала Самсонова была решена. Такого взгляда держался штаб армии к концу дня 29 августа, распорядившийся на 30-е число отправкой некоторых частей, которые казались уже ненужными для окончания боев, для новой битвы против Ренненкампа. Но тут случилось одно обстоятельство, последствия которого легко могли стать очень неприятными для нас.

Утром 30-го числа штабом армии и генералом Франсуа было получено донесение летчика о том, что русский 1-й арм. корпус в усиленном составе наступает от Млавы на Нейденбург, и что в момент подачи донесения авангард корпуса находился всего в 6 километрах от стоящих под Нейденбургом войск генерала Франсуа.

Командовавший русским 1-м арм. корпусом генерал Артамонов принял правильное решение облегчить положение своей окруженной армии путем наступления на Нейденбург.

Штаб немедленно направил все свободные силы в Нейденбург для парирования этой угрозы⁸.

⁸ Ландв. див. фон-дер-Гольца, 3-я рез. див., отряд генерала Фон Унгера и по 1-й див. 17-го и 20-го арм. корпусов.

Однако временно наш 1-й арм. корпус очутился без всякой поддержки и должен был постараться собственными силами выйти из затруднительного положения.

Энергичный генерал Франсуа оказался тут на своем месте. Он приказал отряду Мюльмана наступать на перерез линии движения русского корпуса, а все остальные войска, сколько их оказалось под рукой, он кинул фронтально навстречу неприятелю у Нейденбурга, не прерывая окружения на севере. После сравнительно легких боев попытка была отбита. Нельзя сказать теперь в точности, утратил ли командующий 1-ым русским арм. корпусом после тяжелых боев при Уздау волю к победе, или он опасался быть взятым во фланг со стороны Заберау, откуда четыре тяжелые батареи отряда Мюлена поддерживали весьма действительный огонь.

Генерал Самсонов застрелился, когда убедился в окончательном поражении своей армии.

Напрашивается сам собой вопрос, почему Ренненкампф, несмотря на неоднократные просьбы Самсонова о помощи, не выступил. Наша военная мысль не удовлетворяется объяснениями его бездеятельности вроде тех, что его армия в битве при Гумбиннене понесла очень тяжелые потери, — в некоторых частях до половины всего состава, — что полученные им сообщения говорили об отходе

8-й армии к Кенигсбергу, и что продвижение его армии в юго-западном направлении от Кенигсбергского укрепленного района подверглось бы фланговой угрозе. Всякое продвижение Ренненкампфа должно было предотвратить катастрофу под Танненбергом. В связи с этим я хотел бы упомянуть об одном слухе, который все-таки нельзя игнорировать, а именно о том, что генерал Ренненкампф из личной вражды не пожелал подать Самсонову помощи. При этом надо, конечно, принять во внимание, что Ренненкампф не мог предвидеть всех последствий своего замысла и размеров поражения ген. Самсонова. Мне известно, что между ними обоими существовала личная неприязнь, начало которой относится еще к битве под Ляояном⁹; тогда Самсонов со своими казаками оборонял Янтайские угольные копи, но, несмотря на выдающуюся доблесть Сибирской казачьей дивизии, должен был их оставить, так как Ренненкампф со своим отрядом оставался на левом фланге русских в бездействии, вопреки повторным приказаниям. Я слышал со слов свидетелей о резком столкновении между обоими командирами

⁹ Во время русско-японской войны, в августе 1904 г. Прим. редакции.

после Ляоянского сражения на Мукденском вокзале.

Вспоминаю, что еще во время сражения под Танненбергом мы говорили с генералом Людендорфом о конфликте между обоими неприятельскими генералами и о возможных психологических влияниях этого факта, и что тогда же я высказал по этому поводу мои предположения.

В один из последних дней Танненбергской битвы генерал Людендорф пригласил меня к своему телефону. С ним говорил полковник Таппен, начальник оперативного отдела штаба главнокомандующего.

Людендорф сказал мне: «Возьмите вторую трубку, чтобы вам слышно было, о чем говорит полковник Таппен, и что я ему отвечаю».

Таппен сообщал, что для подкрепления 8-й армии назначены из западной армии три арм. корпуса и одна кав. дивизия, и запрашивал, куда следует направить эшелоны. Генерал Людендорф дал требуемые указания, однако подчеркнул, что нельзя сказать, что мы не можем обойтись без этих подкреплений. Если западному фронту почему-либо трудно, то пусть эти корпуса там останутся. Полковник Таппен заявил, что на западе можно обойтись без этих сил.

На следующий день повторилась примерно та же сцена. Я держал второй микрофон полевого

телефона, полковник Таппен телефонировал и сказал, что отправлены только 11-й и гвардейский рез. корпуса с 8-й кав. дивизией, а упоминавшийся вчера 5-й арм. корпус остается на западе. Генерал Людендорф вновь подтвердил, что эти корпуса для происходящего сражения придут слишком поздно, и что против Ренненкампа мы в крайности управимся одни. Поэтому, если эти корпуса могут пригодиться для скорейшей развязки на западе, пусть штаб главкома о востоке не беспокоится.

Я бы хотел особенно подчеркнуть эти два разговора, в противовес многочисленным утверждениям о том, что штаб главнокомандующего будто бы только в ответ на просьбы и настояния с востока согласился на «роковую уступку» тех двух корпусов.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ У МАЗУРСКИХ ОЗЕР

Армия Самсонова была ликвидирована. Из пяти ее корпусов три с половиной были перебиты или взяты в плен, а остальные полтора, примерно, корпуса должны были быть отведены в район Варшавы для пополнения. Руки наши были свободны для действий против Ренненкампа.

Развертывание против Ренненкампа закончено было 5 сентября¹⁰. В это время его армия правым крылом выдвинулась на линию р. Дейме (около двух дивизий); три, примерно, корпуса тянулись через Гердауен-Дренкфурт до озера Мауер, а более слабые части ее левого крыла находились восточнее Летцена с отдельными отрядами у Ариса и Иоганнисбурга.

Русская армия использовала время для создания сильных полевых укреплений.

К армии Ренненкампа принадлежали еще четыре резервных дивизии, относительно расположения которых мне ничего не было известно. Кроме того, на ее левом крыле только что появился финляндский армейский корпус.

Из захваченных при Танненберге документов штаб армии получил сведения о так называемом «гродненском резерве». В его состав должен был

¹⁰ Были расположены: 3-я рез. дивизия (Морген) у Фридрихсгофа; 1-й арм. корпус (Франсуа) восточнее Ортельсбурга на шоссе на Иоганнисбург и Николайкен; 17-й арм. корпус (Макензен) у Менсгута; 20-й арм. корпус (Шольц) у Вартенбурга; 11-й арм. корпус (Плюсков) у Зеебурга; 1-й рез. корпус (Белов) с 6-й ландв. бригадой у Гейльсбурга; гвард. рез. корпус (Гальвиц) у Прейсиш — Эйлау; штаб армии в Алленштейне; ландв. див. Гольца и 70-я ландв. бригада прикрывали со стороны Млавы и Мышинца правый фланг.

войти, кроме 22-го финляндского арм. корпуса, еще и 3-й сибирский, но с ним можно было пока не считаться, так как эшелоны из Восточной Сибири в это время не могли еще прибыть да место.

В штабе армии решено было вести атаку по всему фронту. Четыре корпуса (ген. Шольц, Плюсков, Белов и Гальвиц) должны были атаковать фронтально, в то время как Морген, Франсуа и Макензен должны были решить исход сражения, наступая в обход южнее и через Мазурские озера.

1-я и 8-я кав. дивизии должны были направиться на правый фланг через Летцен, чтобы там, в зависимости от исхода сражения, в решительный момент можно было их использовать для преследования отступающего неприятеля.

Фронтальный натиск не был успешным, зато обходное движение генерала Франсуа привело к развязке. В ряде сражений, 7-го сентября при Иоганнисбурге, 8-го при Арисе, 9-го севернее Видминнена, он отбросил русские войска, доставил 17-му арм. корпусу Макензена выход из Летцена и, нажимая обходным движением на южное крыло Ренненкампа, заставил русских отступать. На четвертый день сражения получено было донесение летчика, что, по-видимому, главные русские позиции почти или даже совсем не заняты. На следующий за этим день штаб армии получил точные данные о намерении Ренненкампа выйти

из боя; по-видимому, он еще накануне дал приказ отходить по всей линии. Хотя таким образом у нас отнята была надежда нанести Ренненкампфу сокрушающий удар, тем не менее, я погрешил бы против истины, если бы сказал, что нам неприятно было известие об отходе Ренненкампфа.

Фронтальная атака на прекрасно укрепленную русскую позицию была бы очень трудна. Думаю, что мы не имели бы успеха. Задачей Ренненкампфа было бы единственно отражение охвата его левого фланга со стороны трех дивизий генералов Моргена и Франсуа. Для этого он располагал по меньшей мере финляндским корпусом и шестью дивизиями своего резерва. Противодействие обходу он с легкостью мог бы оказать путем наступательных действий. Если бы наша армия даже и не потерпела бы поражения, то все-таки она не освободилась бы для следующей своей задачи, т.-е. для выступления в южной Польше на поддержку австрийцам. По получении известия об отступлении русских штаб армии отдал приказ к преследованию. Корпуса были направлены так:

1-й арм. корпус мимо Роминтенской пуши к юго-востоку на Мариамполь;

17-й арм. корпус севернее Роминтенской пуши на Выштынец;

20-й арм. корпус через Даркемен, Валтеркемен на Пилюпенен;

11-й арм. корпус севернее Даркемена мимо Гумбиннена на Сталюпенен;

1-й рез. корпус через Инстербург на Пилькаллен; Гвард. рез. корпус от Алленбурга на Грос-Ауловенен;

Главн. резерв креп. Кенигсберг на Тильзит; 1-я и 8-я кав. дивизии должны были проникнуть впереди 1-го арм. корпуса до шоссе Вирбален-Ковно. Приказ выполнен был лишь частично. Утром 11 сентября штаб армии получил донесение командира 11-го корпуса сообщавшего, что корпус атакован превосходными силами. Об этой атаке штаб армии уже знал из русской радиотелеграммы. Но в данном случае имелось в действительности лишь наступление трех полков одной из русских резервных дивизий. Хотя штаб армии и указал на это командиру корпуса, тем не менее, последний продолжал настаивать на точности своего сообщения.

Конечно, нельзя было просто отрицать возможность того, что Ренненкампф не попытается сильным наступательным маневром высвободиться и таким образом затруднить 8-й армии преследование. Поэтому штаб армии согласился, чтобы 17-й и 1-й арм. корпуса повернули на поддержку 11-го корпуса. Отсюда получилась совершенно излишняя заминка в преследовании, и,

несмотря на все усилия штаба армии, эту потерю времени не удалось потом наверстать.

14 сентября последовал сильный арьергардный бой при Вильковишках. Несмотря на проявленное русскими при отступлении умение, несмотря на то, что они ни с чем не считались, отправляя свои обозные колонны прямо одну за другой вдоль шоссе, все-таки при отступлении создались пробки, особенно при проходе через Сталюпенен. Арьергард принесен был в жертву при Вильковишках, потому что нужно была дать время для спасения главной отступающей массы войск. В достигнутом крупном успехе главная заслуга выпадает на долю корпуса Франсуа и особенно резервной дивизии Моргена, охранявшей во время наступления генерала Франсуа правый фланг и отбросившей в многократных атаках финляндский корпус.

Помимо освобождения Восточной Пруссии, эта битва дала уверенность в том, что и армия Ренненкампа на долгое время выведена из строя. Ее потери в людях и снаряжении были очень велики. Ей потребовались бы недели, чтобы привести себя в порядок за оборонительной линией Немана и его крепостей. Окончательного поражения Ренненкампа, правда, не потерпел, и, по моему мнению, и не удалось бы ему нанести такого. Двойной охват при данном соотношении

сил и характере местности был невозможен. Конечно, следовало бы несколько более бережливо рассчитать силы для фронтального удара, но если бы оба вновь прибывшие корпуса были пущены в дело на реке Дейме, — как это теперь говорит в своей книге генерал Франсуа, — то фронт был бы недостаточно прочен при двух корпусах на 50 километров. Всякий переход в наступление русских мог бы иметь самые роковые последствия, так как о русских резервных дивизиях, равно как и о вновь прибывших тем временем боеспособных силах, мы в точности совершенно ничего не знали. С другой стороны, наступление тех двух корпусов через излучину реки Дейме должно было встретиться с значительными трудностями.

Если бы это наступление все-таки удалось, то Ренненкампф, наверное, начал бы свое отступление днем раньше, причем атака тех двух корпусов не могла бы ему в этом воспрепятствовать.

Но зато можно, конечно, говорить о том, не полезнее ли было бы направить один корпус для усиления обходного движения правого крыла.

ГЛАВА ПЯТАЯ НА ПОМОЩЬ АВСТРИЙЦАМ В ПОЛЬШЕ

В то время как наша армия сражалась под Танненбергом и у Мазурских озер, дела на западном театре войны и у союзной австрийской армии приняли дурной оборот.

На западном фронте, после первоначального победоносного наступления германских армий, генералом Бюловым¹¹ принято было 9 сентября роковое решение отступить.

О событиях на западе мы знали только по слухам; слышно было, что там имела место неудача, и что германское наступление задержалось. О причинах штабу нашей армии ничего в точности не сообщалось.

Зато более точные известия дошли до нас о неудачных боях австрийцев в районе Львова и об их отступлении за Сан к Кракову.

¹¹ Командующий 2-й германской армией. Решение отступить с Марны, принятое им совместно с присланным для связи в штаб 2-й армии из германской ставки подполковником Хентшем, повело к отходу 1-й армии генерала Клука справа и 3-й армии генерала Гаузена слева (9/IX 1914). Прим. перев.

Требовалось подать союзнику помощь, на которую он имел право рассчитывать в силу соглашений, заключенных до войны начальниками австрийского и германского генеральных штабов. Поэтому верховное командование приказало выделить два корпуса и отправить их в Силезию. Они должны были стать ядром новой армии, командующим которой назначен был генерал фон Шуберт, а начальником штаба — генерал Людендорф.

Генерал Людендорф отправился в Силезию, переговорил непосредственно с австрийским верховным командованием и установил, что выделить два корпуса на помощь союзнику, потерпевшему гораздо более сильное поражение, чем это предполагалось, — недостаточно, что требуются мероприятия гораздо более энергичные: Людендорф предложил использовать для этой цели главные силы 8-й армии под предводительством Гинденбурга.

Предложение генерала Людендорфа было принято. Была сформирована 9-я армия ¹² с генералом Гинденбургом и генералом

¹² В составе гвард. рез. корпуса, 11-го, 17-го и 20-го арм. корпусов и главн. резервов крепостей Торн и Позен, каждый силой примерно в одну дивизию.

Людендорфом во главе. Часть штаба 8-й армии, в том числе и я, перешла в 9-ю армию. Генерал Шуберт принял командование прочими силами 8-й армии, оставленными для защиты Восточной Пруссии¹³.

Задача оставшейся в Восточной Пруссии армии могла быть, конечно, только оборонительной. Было желательно, чтобы она возможно дольше продержалась впереди германской границы на линии Сувалки-Вильковишки, достигнутой после битвы при Мазурских озерах. Последним приказом старого штаба, переданным лично мной генералу Франсуа в Вильковишки, было: немедленное создание прочно укрепленной позиции впереди германской границы. В то время генерал Франсуа не очень дорожил укрепленными позициями. Он думал, что приказание удерживать русских от вторжения в Вост. Пруссию легче выполнить путем отдельных наступательных ударов. Приказ об укреплении вышеназванной позиции не был выполнен; продолжены были только работы по

¹³ 1-й арм. корпус, 3-я рез. дивизия, ландв. дивизия Гольца, главн. резерв крепости Кенигсберг, 1-я кавал. дивизия и несколько ландв. бригад.